

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПУШКИНА

Пушкинская литература XIX века... Что из нее уцелело, что запомнилось, что хочется перечитать? Конечно, вороха печатной бумаги, конечно великие критики, Белинский, «открывший» Пушкина, Писарев, Скабичевский. «Значение Пушкина в русской литературе», «Культурная миссия Пушкина» — наизусть это знаем, во всех учебниках стоит. Воспевал чувства добрые и прославлял свободу — тема для гимназического сочинения. Просветительская деятельность смотри «Памятник». Правда, маловато для оценки великого поэта, к тому же Гершензон не так давно доказал, что и это малое покоится на недоразумении. Про «чувства добрые» у Пушкина, оказывается, — иронически.

Во второй половине XIX века произошла подмена настоящего Пушкина другим — школьным, убогим, **общедоступ** ным «гением». Гений — слово легкое, ни к чему не обязывающее. Гения следует уважать, но можно не читать. Подмена никем не была замечена — девятнадцатому веку суетливому и самодовольному не до того было, ит ушки11 ему был не нужен, даже не удобен. Тут важнейшие **«пробле мы»** системы, идеи и «духовные запросы», а у Пушкина

Ах, ножки, ножки, где вы ныне...

Пушкина подчистили (особенно в отношении гражданской и политической благонадежности), возвели в генеральский чин и забыли. Ни одного серьезного исследования, *ни одной даже приличной биографии* XIX век нам не оставил.

Непонимание и равнодушие, окружавшие Пушкина в последние годы его жизни, все возрастали. Не нашлось у него ни учеников, ни последователей. Он не объединил вокруг себя школы, не создал теории. Русская поэзия пошла по **другим** путям, преодолевая Пушкина. Лермонтов борется **с ним, ища** вдохновения у немцев и англичан, противопоставляя свое романтическое буйство классической, романской **равновесности** Пушкина. Он возвращается вспять к **преодоленному** старшим поэтом Байрону. По «окольной» лермонтовской дороге идут Тютчев **и Фет** — на широком **пути** Пушкина остается Некрасов. Но для него технические **достижения** автора «Онегина» — блестящие победы его **в области** стиха и стиля — как будто и **не** существуют. А потом **начинается** такая кустарная промышленность, такая поэтическая безграмотность, как будто вообще после тридцатых годов был всероссийский потоп. Когда же из пучины морской выплыл ковчег символизма, дух Пушкина не летал над ним. Новая поэтика утвердила решительный и — казалось окончательный разрыв с Пушкиным. И только, когда в бесплотной туманности «неоромантизма» сгустилось твердое зерно новой школы, когда после блужданий по «кларпзмам», «акмеизмам», «адамизмам» и пр. оформилось и осозналось новое поэтическое искусство — имя Пушкина прозвучало громом. Пушкинистам едва‑ли покажется парадоксальным утверждение: Пушкин был открыт в последние двадцать пять лет.

Конечно, еще существуют символисты и пишутся стихи намеков и смутных настроений; еще не открычали футуристы, где‑то на задворках вздыхают надсонисты — и все же: поэзия нашей эпохи проникнута единым «высоким» стилем, единым классическим пафосом и самый великий из *современных* поэтов — Пушкин.

Мандельштаму принадлежит афоризм: «Классическая поэзия — поэзия революции». В нем парадоксально только обобщение; быть может у нас лишь случайно революция совпала с классической поэзией. Поэтический переворот подготовлялся давно, еще в недрах символизма (вспомним статьи Мережковского и Розанова о Пушкине в девяностых годах возвращение к Пушкину провозгласили не акмеисты: разве Брюсов, знаток-издатель и комментатор Пушкина не экспериментировал над словарем и стихосложением автора «Медного всадника»?

Правда, преодолеть в себе прошлое ему не удалось. Законченные им «Египетские ночи» производят впечатление и античного торса с приделанными к нему восковыми

руками ПуШк МиНо влечение его — безнадежное и упорное — к ^ * Некому мастерству — крайне показательно. Дух классицизма переплавлен, оживляя, старые формы: в них воскресает новая выразительность. Исчезают мертвые клише, ветхие эпитеты, окаменелые метафоры, отрубаются засохшие ветки и возвращается жизнь корням. Какая чистота звука, какая крепкая законченная и устойчивая форма в последних стихотворениях Сологуба! Сложность стала простотой и туман рассеялся в прозрачности. Его бержереты — это французский XVIII век, увиденный глазами Пушкина.

Величайший из символистов — Блок — пишет пушкинскими четырехстопными ямбами поэму «Возмездие». Своей полновесной чеканкой и ритмическим избытком они напоминают стихи «Онегина». Та же непринужденная легкость рассказа, те же смены шуточных описаний и лирических взлетов, та же пластическая точность в словосочетаниях. Блок хотел выразить «единый музыкальный напор» своей эпохи; воплощенный в слове — этот ритм естественно породил классическую поэму.

Один пример из «Возмездия»:

А нам, читатель, не пристало
Считать коней и тур никак,
С тобой нас нынче затесало
В толпу глазающих зевак,
Нас вовсе ликованье это
Заставило забыть вчера...
У нас в глазах пестрит от света,
У нас в ушах гремит ура!

То же влечение к онегинской форме ощущается у Андрея Белого. Его поэма «Последнее свидание» — в обработке конкретных деталей, в манере афористических характеристик, в тоне светской *causerie* пытается приблизиться к стихотворному роману Пушкина. Благоговейно и влюбленно читаем мы его стихи; с суеверной бережностью относимся к каждому его слову. Появились пушкинисты, пушкинианы, пушкиноведение; изыскания в области его стихотворной техники, поэтического словаря, синтаксиса и стиля значительно расширили и обострили наше знание о нем. Возросло для нас непостижимое обаяние его искусства, изысканного и сложного в своей простоте. Мы поняли, что великий **поэт** стоит не в начале, а в конце длинного пути русской поэзии, замыкая собой блестящий период, начатый Ломоносовым и Тредьяковским. И как окончание, как канон — не **имеет** будущего. Пушкиным исчерпаны все возможности классической поэтики, единственной существовавшей у нас поэтики. — Десятому веку Пушкин был чужд так как нем завершалось искусство «неоклассицизм»? Возвращение на пройденный уже путь,

подражание неподражаемому, эпигонство? Как можно говорить о Пушкинизме в современной поэзии? **Молодые** поэты связаны с Пушкиным не мотивами, даже не **приемами** своего творчества — их объединяет *мастерство*. Ни пророки, ни проповедники — они мастера слова. Почувствовав его природу, силу и удельный вес, они сознательно подчинили себя его законам. Невыразимое, бывшее **материалом** для символистов — для них не существует. Они **хотят** сказать только то, что может быть сказано: в выражении тема исчерпана до конца. Ничего приблизительного, **ничего** лишнего, никаких намеков и нащупываний — крепкая хватка и меткий удар. Каждое слово оправдано — его ни вынуть, ни заменить нельзя. Как камень в своде, оно поддерживается всем строением и оно же держит его.

Разумный расчет руководит строителем; он вычисляет упор колонн и тяжесть крыши — он распределяет массы. Целесообразность — закон классического искусства. Как просты постройки Пушкина по сравнению с пышно-изукрашенными мавзолеями Брюсова. Но последние рушатся под бременем своих барельефов, а стены Пушкина вечны.

Ахматова, Гумилев, Мандельштам, Кузмин, Ходасевич, Георгий Иванов, Адамович

и вся многочисленная плеяда «молодых», как бы ни были различны и индивидуальны их приемы, — кровно связаны с Пушкиным. Они дышат его воздухом, хранят его традицию. Она не сковывает их; ведь только в ней возможна истинная свобода. У французов XVII века был Рим; у нас нет античной традиции. Для нашего современного классицизма Рим — это Пушкин.